

DOI 10.37386/2305-4077-2021-2-65-73

А. И. Иваницкий¹*Институт высших гуманитарных исследований РГГУ***ЭВОЛЮЦИЯ ПРОСТРАНСТВА У ГОГОЛЯ:
МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ**

В поэме «Мертвые души» Гоголь возвращается к архаическому полицентральному пространству «Вечеров на хуторе близ Диканьки», где движение в даль на ключевом рубеже разворачивается в глубину – от наземной оболочки к фундаментальному «ядру». Промежуточной пространственной моделью между «Вечерами» и поэмой выступила радиально-лучевая ось «имперский центр – глубинка» в «петербургских» повестях и комедии «Ревизор». Там же она разоблачалась, воспроизводя заданные «Вечерами» для изображения столицы «бесовски-смеховые» смыслы. Однако в поэме полюсами наземно-подземной вертикали явились уже не предок и потомок, а идеальная сущность мира и его материальная оболочка.

Ключевые слова: полицентральный мир, радиально-лучевая ось, сакрализация государства, омонимия Петербурга, исчезновение пространства.

A. I. Ivanitskiy*Institute of Higher Humanities Research, Russian State University for the Humanities***SPACE EVOLUTION IN GOGOL'S WORKS:
MORPHOLOGICAL ORIGINS**

In the poem “Dead Souls” Gogol reproduced the archaic polycentral structure of the space from the first cycle “Evenings on a farm near Dikanka”, where the way into the distance was transformed in its culmination into the way into deep. The radial- ray axis “Empire center – province” in “Revisor” and in “Petersburg’s novels” comes out as the intermediate space model between “Evenings...” and “Dead Souls”. But in the same works it was exposed because of the daemonic meanings of Petersburg, that came from “Evenings...”. In “Dead Souls”, however, the poles of the terrestrial-underground vertical were not the ancestor and the descendant, but the ideal essence of the world and its material shell.

Keywords: polycentral world, the radial-ray axis, sacralization of the state, homonymy of Petersburg, disappearing of the space.

1

Уже в ранних произведениях Н.В. Гоголя была задана так называемая «далевая перспектива», предопределенная степным «малороссийским» ландшафтом. При этом в циклах «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород» пространство было, так сказать, «полицентральным»: Диканька, Сорочинцы, Вытребеньки, Миргород, имение Товстогузов и т.д. были, по сути, сами себе центрами, а остальной мир, расходящийся по сторонам света и всякий раз уходящий «за горизонт», обозначал полюса обратимого движения. Киев, обычно

¹ Александр Ильич Иваницкий, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований РГГУ.

полулегендарный и полуусловный, был одним из «безвластных», просто обжитых центров в повести «Страшная месть», – а также в повести «Вий», ибо там обитал главный герой Хома Брут (хотя при этом Киеву полноправно противостоял хутор сотника, ставший для Хома полюсом необратимого и фатального пути).

Между тем, *даль* в повестях «Вечеров» и «Вие» почти всегда, по сказочной модели, выступает промежуточной стадией движения *вглубь*. В повестях «Вечер накануне Ивана Купала» и «Пропавшая грамота» пограничными рубежами такого поворота выступают, соответственно, лесная опушка и лесная чаща. Горизонтальная даль систематически «обнуляется» тем, что различные топосы меняются местами перед якобы движущимся героем, который, тем самым, оказывается на деле неподвижен, разворачиваясь к единственно реальной подземной глубине. Так перед скачущим на лошади колдуном меняются местами города Канев, Галич и Шумск [Гоголь, 1937–1952, т. I, с. 277]², предвосхищая разverzание земли, где колдуна ждут его предки-вампиры. В повести «Заколдованное место» морока с меняющимися местами гумном и голубятней кончается тем, что из разverzшейся земли является ее хтонический хозяин: «...со страхом оборотился он (дед. – А.И.) ...вокруг провалы; под ногами круча без dna <...> и чудится деду, что из-за нее мигает какая-то харя...» (I, с. 313). А по мере углубления бурсаков в область подземного Вия, их начинают морочить подвижные топосы: «Показавшаяся в двух местах нива с вызревающим житом давала знать, что скоро должна появиться какая-нибудь деревня. Но уже более часу, как они минули хлебные полосы, а между тем им не попадалось никакого жилья... “Что за черт! ...Сдавалось совершенно, как будто сейчас будет хутор”» (II, с. 181–182).

Как показано в работе А. Х. Гольденберга, подземный («ядерный») мир бесов / предков в «Вечерах» не только угрожал живущим поколениям, но и питал их [Гольденберг, 2014, с. 14–19]. Поэтому сугубо социальные формы жизни не выводили людей из «потусторонней» области, а наоборот – воспроизводили их связь с нею. Так, именно хронотоп Сорочинской ярмарки выступал в одноименной повести «воронкой» встречи людей и «демонов». А переход подземной основы наземного мира в план недостоверной легенды разрушает в финале пространство последнего: «Гром, хохот, песни слышались тише и тише. Смычок умирал, слабея и теряя неясные звуки в пустоте воздуха. Еще слышалось где-то топанье, что-то похожее на ропот отдаленного моря, и скоро все стало **пусто и глухо**» (I, с. 36)³.

Петербург же в малороссийском мире выступал не его имперским центром, а скорее, по описанной логике «народно-смехового мира» [Лихачев, 1976, с. 9–24, 50–66], – «потусторонним» антиподом. В повести «Ночь перед Рождеством» Вакула может только на плечах нечистого добраться в Петербург и видит, что город «весь в огне» (I, с. 232), – явно имеющем ту же, что и сам нечистый, инфернальную подоплеку. Ею же наделен и весь «имперский» мир. Так, в повести

² Далее цитируется по этому изданию, указывая в круглых скобках том – римской цифрой, стр. – арабской.

³ Здесь и далее в цитатах **п/ж шриффт** мой. – А.И.

«Сорочинская ярмарка» спящему Солопию Черевiku «...представилась... рожа (его жены. – *А.И.*) барабаном, на котором заставляли **выбивать зорю, словно москаля**, эти самые **свиные рыла**» (I, с. 130). То есть для малоросса, «вольного казака», «*москаль*» – это подневольный солдат монархии «прусского» типа, управляемой подручными нечистого: «*свинными рылами*» и женщиной с явными чертами ведьмы.

Однако после переезда в Петербург у Гоголя постепенно происходит «перепланировка» пространства [Фиалкова, 1986, с. 59]: утверждается ось «Петербург – глубинка», осуществленная в комедии «Ревизор». Гипербола Городничего: «...отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь» (IV, с. 12), – косвенно проясняет психологическую подоплеку просьбы Бобчинского – единственного не служащего посетителя Хлестакова, проспавшегося после попойки у Городничего: сообщить царю о своем существовании, поскольку, в его представлении, смысл и достоверность такого существования убывала с удалением от властного центра⁴.

Возможно, и это порождает гоголевскую языковую гиперболу врожденных и наследственных чиновных признаков. В комедии «Женитьба», убеждая Подколесина в преимуществах брака, Кочкарев говорит: «Ты вот теперь один... экспедитор... тогда, вообрази, около тебя экспедиторчонки...» (V, с. 18). Это по смежности предопределяет физиологическую врожденность чиновных пороков – и прежде всего, взяточничества. Так, в комедии «Игроки» Утешительный шутиво предполагает, что дети мнимого чиновника Замухрыжкина, включая бегающего «в рубашонке» и ползающего «на карачках», телесно проявляют мздоимные навыки отца: «Ну, а **ручонками**, я чай, уже все этак (показывает рукой как будто берет деньги) умеют?» (V, с. 94). Программный характер такой «чиновно-физиологической» наследственности проявляет та же гипербола по отношению Башмачкина в повести «Шинель». Его сослуживцы так и уверились в том, что он «родился... совершенно готовым, в вицмундире и с лысиной на голове», поскольку оставался «вечным титулярным советником» (III, с. 123, 125), когда его коллеги поднимались по служебной лестнице, освобождая свои места для новичков. В отличие от них, служба была для Башмачкина не социальным «лифтом», а «собором»: быть чиновником – означало *бытие* вообще.

В комедии «Ревизор» потребность административной и/или пространственной связи с властным центром наделяет его карающую руку (в лице подлинного ревизора и объявляющего о нем Жандарма) подтекстами Страшного Суда. В финальной «Немой сцене» герои, «*пора[женные], как громом*», замирают, а по сути – умирают, превращаясь в символические памятники собственным грехам, предполагающим соответствующее загробное воздаяние⁵.

⁴ О развитии в XX веке гоголевского мотива последовательной профанации пространства по мере удаления от властного центра см.: [Иваницкий, 2009, с. 376–391].

⁵ Об апокалиптическом подтексте явления Жандарма и последующей «Немой сцены» см.: [Вишневская, 1976, с. 146–147].

Неожиданное для Гоголя непонимание публикой этих смыслов «Ревизора», как известно, побудило его ввести в финал новой редакции 1842 г. так называемую «парибасу» Городничего (прямое обращение к зрителям⁶): «Чему смеетесь? Над собою смеетесь!...» (IV, с. 94), где утверждается иносказательная роль чинов и чиновных грехов в отношении грехов общечеловеческих. А в риторически-разъяснительном «Театральном разезде после представления новой комедии» (того же 1842 г.) протагонист автора – «Третий любитель искусств» видит высшую чиновную власть «представителем провидения на земле... чтобы **веровали мы в него... как в рок**, настигавший преступления...» (V, с. 144).

В «Развязке “Ревизора”» (1846) эти «смежности» приводят Гоголя к отождествлению, по барочной логике «школьной» драмы [об этом см.: Софронова, 1982, с. 86–97], государства и человеческой души как двух земных воплощений Бога. «Первый комический актер» объявляет собратям по ремеслу, что уездный город в «Ревизоре» – «наш же душевный город» (IV, с. 130–134). В свою очередь, в письме к А. О. Смирновой Гоголь подводит «бесовский» смысл «миражной интриги» «Ревизора» к идее «Развязки...»: «...трудно жить нам, забывающим всякую минуту, что будет наши действия ревизовать... Тот, Кого ничем не подкупишь» (IV, с. 154; подробнее об этом: Купреянова, 1989, с. 10–11; ср.: Маркович, 1988, с. 139–151].

Открыто Гоголь «одухотворяет» властную иерархию в книге «Выбранные места из переписки с друзьями» (далее – «Переписка»). В одном из ключевых писем А. П. Толстому (глава «Нужно проездиться по России») Гоголь, с одной стороны, в русле идей «Развязки...» утверждает, что «нет выше звания, чем монашеское...», а с другой – видит в нем... сановника: «Монастырь ваш – Россия! Облеките же себя умственно ризой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нее, ступайте подвизаться в ней...» (VIII, с. 301).

Это проявляет «неоплатонический» механизм самораспространения / самоозначения Бога через служебную иерархию: «...все места (то есть служебные инстанции.– *А.И.*) святы» (VIII, с. 291–292), поскольку их создало «правительственное предвиденье», внушенное Небом: «...чем больше всматриваешься в организм управления губерний, тем более... слышно, что Сам Бог строил незримо руками государей» (VIII, с. 357). Иными словами, через властную иерархию Бог воплощает себя в *материальном пространстве* земного мира. Отсюда «встречное» возвышение народом смыслов своей любви к Богу идет по ступеням административной лестницы: «...полная любовь... должна быть **передаваема по начальству**, и всякий начальник, как только заметит ее устремленье к себе, должен в ту же минуту обращать ее к постановленному над ним высшему начальнику, чтобы... добралась она до своего законного источника, и передал... ее... всеми любимым царь Самому Богу» (VIII, с. 366).

⁶ О связи «парибасы» с традицией Аристофана, на которую опирался Гоголь в комедии см.: [Иванов, 1987, с. 387–398].

Этим, по сути, земной мир одухотворяется, снимая пространство как таковое. Узловым механизмом такого претворения пространства в Дух выступает монарх: «Всё полюбивши в своем государстве... обра[щает] всё, что ни есть в нем, как бы в собственное тело свое...», – которое, в свою очередь, одухотворяется, поскольку, неявно уравниваясь со Спасителем, монарх «неминуемо должен наконец сделаться весь одна любовь...» (VIII, с. 255–256). Своеобразным «субститутом» царя в таком «властном» одухотворении вверенного пространства выступает генерал-губернатор, от которого «требует... правительство... бодрящую, освежающую силою пронестись по всей области, всех воздвигнуть, всех освежить... и обратиться ...в другую губернию... чтобы и там произвести то же...» (VIII, с. 357). В конечном итоге, вслед за государем бестелесную одухотворенную сущность должны обрести Россия и ее народ. В не вошедшем в книгу письме тому же А. П. Толстому (1847) Гоголь сетует адресату на то, что его «известия о бедной России неутешительны...», – но утешает тем, что «нам прежде всего нужно жить в Боге, а не в России» (XIII, с. 355).

2

Между тем, комедия «Ревизор» выявляет омонимию Петербурга – источника как праведной власти (отсюда и страх чиновников), так и inferнального соблазна их же в лице Хлестакова. В письме С. Т. Аксакову (от 16.V.1844) Гоголь наделяет черта хлестаковскими признаками и обликом: «...Он щелкопер и весь состоит из надувания. Он точно мелкий чиновник, забравшийся в город будто бы на следствие. Пыль запустит всем, распечет, раскричится. Стоит только немножко струсить и поддаться назад – тут-то он и пойдет храбриться. А как только наступишь на него, он и хвост подожмет» (XII, с. 300). В свою очередь, в письме А. О. Смирновой (от 6.XII.1849) Гоголь возводит к нечистому городскую сплетню о ревизорстве Хлестакова: «Я совершенно убедился в том, что сплетня плетется чертом, а не человеком. Человек от праздности и сгупа брякнет слово без смысла, которого бы и не хотел сказать. Это слово пойдет гулять; по поводу его другой отпустит в праздности другое; и мало-помалу сплетется сама собою история без ведома всех. Настоящего автора ее безумно и отыскивать, потому что его не отыщешь...» (XIV, с. 154).

А «потусторонние» черты Хлестакова безотчетно фиксируют как обитатели города (и воображая его ревизором, и удостоверившись в обратном), так и он сам. Для слуги Осипа Хлестаков – «генерал, да только **с другой стороны**» (IV, с. 44). Городничий, уже видящий псевдоревизора супругом дочери, поздравляет супругу Анну Андреевну: «...с каким **дьяволом** породнилась» (IV, с. 82). Сам же Хлестаков называет себя автором «**другого** (то есть **мнимого** – *А.И.*) “Юрия Милославского”», а пьяное самовосхваление в доме Городничего завершает криком: «...я **везде, везде**» (IV, с. 49–50). Ответ Шпекина на вопрос Городничего: «Что же он такое по-вашему?» – «Ни се, ни то, чорт знает что такое...» (IV, с. 90), – подтверждает химерические черты нечистого – *щелкопера* в упомянутом гоголевском письме Аксакову, в конечном счете наделяющие его функцией самоотрицания: «Мы сами делаем из него великана; а в самом деле он просто **черт знает что...**» (XII, с. 300).

Интересно в этой связи наблюдение исследователя [Бузунов, 1997, с. 187–188], что, характеризуя Хлестакова: «Говоря ложь, выказывает именно в ней себя таким, как есть» [IV, с. 100], писатель почти повторяет оценку нечистого Христом в Евангелии: «Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он *лжец* и отец лжи» (Ин. 8, 44).

И в «Переписке» служебная иерархия обнаруживает свою вторую, «бесовскую» природу. Ее главным носителем оказывается «*секретарь*», подобно патрону, появляющийся как бы из ниоткуда: «Чуть только явится какое место и при нем денежные выгоды... вмиг пристегнется сбоку секретарь. Откуда он возьмется, Бог весть, точно как из воды выйдет. Как дважды два, докажет свою необходимость, разведет бумажную кропотню по всем вопросам...» (VIII, с. 271). Смысл секретарской путаницы как службы ее нечистому переходит из подтекста в текст: «У секретарей явится какая-нибудь любовница, из-за ней – ссоры, интриги, а с ними вместе и **сам черт путаницы**, который тут как тут во всякое время» (VIII, с. 336). Так же, «из ничего», возникают служебные бумаги: «... бумага вышла из такого угла, откуда и подозревать никто не мог...» (VIII, 272). Потому и вызывают они у людей безотчетное отвращение: «Наш народ не глуп, что бежит, как от черта, от всякой письменной бумаги. Знает, что там притык всей человеческой путаницы...» (VIII, с. 325).

Эта «кромешная» власть также выстраивается по вертикали – не только властной, но и временной: «Получая (должность.– *А.И.*) **по наследству** от предшественника в том виде, какой дал ей последний... (чиновники.– *А.И.*) соображаются ...с этим видом, а не с первообразом ее <...> взятка, которая ускользает от всяких преследований, есть та, которую чиновник берет с чиновника по команде **сверху вниз... бесконечной лестницей...**» (VIII, с. 350–351). В финальной главе II тома «Мертвых душ» действие «бесовской» служебной системы «из ниоткуда» переходит, по сути, в шабаш: «А между тем завязалось дело размера беспредельного в судах и палатах. Работали перья писцов и, понюхивая табак, трудились казусные головы, любуясь, как художники, крючковатой строкой <...> произошла такая бестолковщина: донос сел на доносе, и пошли открываться дела... **даже такие, которых и не было...** Никоим образом нельзя было понять, которое из этих дел была главнейшая **чепуха**» (VII, с. 117–118).

Подоплекой этой inferнальной иерархии Петербурга является его бесовски-смеховая природа, которая была задана в «Вечерах». В «Петербургских записках 1836 года» он получает то же определение «совершенн[ого] нем[ца]» (VIII, с. 178), которое в повести «Ночь перед Рождеством» дается черту (I, с. 202), – а это порождает в повести «Шинель» оксюморон «русские иностранцы» (III, с. 145). В комедии «Ревизор» представляемая Хлестаковым столица предстает в похвалах Осипа своего рода «черной дырой» бесследного исчезновения: «А не хочешь заплатить (извозчику.– *А.И.*) ...изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так прошмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет» (IV, с. 27). В финале повести «Невский проспект» иллюзорность его пространства («... всё обман, всё мечта, всё не то, чем кажется...») уже прямо связывается со временем: «... когда демон зажигает огни для того только, чтобы показать всё не в настоящем виде» (III, с. 51).

Тот же «Невский проспект» обнажает «дьявольскую» подоплеку метафоры в «Петербургских записках...» о бесконечном дроблении столицы: «Петербург весь расточился по кусочкам, разделился на лавочки и магазины...» (VIII, с. 179). Пискареву во сне Петербург предстает таким, будто «какой-то демон искрошил весь мир на множество разных кусков и... без смысла смешал вместе...» (III, с. 24). Наконец, в повести «Портрет» (ред. «Арабесок» 1835 г.) столица предстает воронкой неизбежного вхождения антихриста: «...уже давно хочет народиться антихрист, но... должен родиться сверхъестественным образом; а в мире нашем... совершается всё в естественном порядке <...> Но земля наша – прах перед Создателем. Она по Его законам должна разрушаться, и с каждым днем... границы, удерживающие сверхъестественное, (будут.– А.И.) приступнее» (III, с. 443).

Поэтому приближение к петербургскому властному центру не одухотворяет ни пространство, ни движущегося по нему, а превращает его в пустоту – временно предстающую иллюзией: «Светлым Воскресением, кажется, как будто оканчивается столица» (VIII, с. 189). В этом контексте «апокалиптическое» замещение бесовской иерархией подлинной («спиритуальной»), по сути, являет утопический характер последней: «...помимо законного... образовалось другое правление, гораздо сильнее всякого законного...» (VII, с. 127); «...другой, незаконный ход действий мимо законов государства и уже обратился почти в законный, так что законы остаются только для вида...» (VIII, с. 350, 415).

Таким образом, задав «бесовски-смеховые» подтексты Петербурга, «Вечера» предопределяют отказ от его центрального положения в поэме «Мертвые души», чье пространство как бы на новом витке повторяет «Вечера». Сначала оно предстает полицентральным (посещаемые Чичиковым имения пяти помещиков самодостаточны и никак не соотнесены ни с уездным, ни с имперским центрами, а сами являются таковыми в пространстве России «без конца»). Но на уровне стиля «движущиеся» топоры также «обнуляют» движение героев между ними, подспудно разворачивая его из «дали» – вглубь: «...город уже давно скрылся... и даже белые верхушки каменных церквей давно ушли в землю...» (VI, с. 222).

А в лирических отступлениях заключительной главы центр и периферия, как и в «Вечерах», соотносятся по вертикали, как ядро и оболочка. «Русь», где «бедно, разбросанно и неприятно» (VI, с. 220), неодолимо влечет автора чем-то невидимым и необъяснимым, но подлежащим *открытию* – в прямом, физическом смысле, то есть находящимся под «бесприютным» (ложным) покровом! Это проявляет финал «Переписки», во многом разъясняющей смысл I тома поэмы: угасание современного русского мира (и мира вообще) изображено практически так же, как в повести «Сорочинская ярмарка» – угасание эпического мира, теряющего свое подземное «ядро»: «И непонятной тоской уже загорелась земля; черствей и черствей становится жизнь, всё мельчает и мелеет... Всё глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится в твоём мире!» (VIII, с. 416).

Однако в поэме «Мертвые души», в отличие от цикла «Вечеров», полюсами выступают не подземный предок и наземный потомок, а идеальная сущность современного мира и его мертво-материальная оболочка. Но именно последняя наделена «хтоническими» признаками: в I томе «животные» подобию посещаемых Чичиковым помещиков выражают уже не связь с «ядерным» (подлинным) миром, а наоборот, отрыв от него. Само же животворное «ядро», освобождаясь от оболочки («одухотворяясь»), как и в «Переписке», перестает быть пространством. Предвещаемое в финале первого тома очищение превращает «Русь» из *поля* движения «без конца» (VI, с. 223) – в *субъект* полета по бесконечному небосводу. Последовательно сравнивая бричку Чичикова с русской «птицей-тройкой», а затем – с «Русью», что в виде «необгонимой тройки» несется по небу на крылатых конях (VI, с. 246), Гоголь подспудно предвещает ее последовательное избавление от мертвой «оболочки» в двух предстоящих томах. Очистившись, «Русь» уже не распространяет себя в качестве «дали», а сама устремляется в нее⁷.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бузунов, С. Н. Комедия Н. Гоголя «Ревизор»: опыт мифопоэтического анализа / С. Н. Бузунов // Филологические записки. – Вып. 8. – Воронеж: Изд. ВГУ, 1997. – С. 185–190.

Вишневская, И. Л. Гоголь и его комедии / И. Л. Вишневская. – Москва: Наука, 1976. – 256 с.

Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. / Н. В. Гоголь. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

Гольденберг, А. Х. Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя: Монография / А. Х. Гольденберг. – 5-е изд. – Москва: Наука, 2014. – 232с.

Иваницкий, А. И. Пространство как «страшная месть» (О «родительской» природе государственного пространства у Гоголя и Кафки) / А. И. Иваницкий // Гоголь и славянский мир. – Вып. 2. – Томск: Изд-во ТГУ, 2009. – С. 376–391.

Иванов, Вяч. «Ревизор» Гоголя и комедия Аристофана / Вяч. Иванов // Вяч. Иванов. Собрание сочинений: в 4 т. – Брюссель, 1987. – Т. IV. – С. 387–398.

Купреянова, Е. Н. Авторская идея и художественная структура «общественной комедии» Н. В. Гоголя «Ревизор» / Е. Н. Купреянова // Русская литература. – 1979. – № 4. – С. 3–16.

Лихачев, Д. С. Смех как мировоззрение // Лихачев Д. С., Панченко А. М. Смеховой мир Древней Руси. – Ленинград: Наука, 1976. – С. 7–90.

Маркович, В. М. Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор» / В. М. Маркович // Анализ драматического произведения. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1988. – С. 136–163.

⁷ Следует отметить, что претворение материи в вихревое движение также прообразовано у раннего Гоголя в повести «Тарас Бульба» (1835) *танцем* казаков, когда душа «*не боится тела и возносится вольными прыжками, готовая завеселиться на вечность*» (II, с. 300). Но здесь необходимо иметь в виду уже эволюцию сказочного пространства «Вечеров» в эпическое, а это, разумеется, отдельная тема.

Софронова, Л. А. Принцип отражения в поэтике барокко / Л. А. Софронова // Барокко в славянских культурах.– Москва: Наука, 1982.– С. 78–101.

Фиалкова, Л. Л. К проблеме «Гоголь и фольклор» / Л. Л. Фиалкова // Фольклорная традиция в русской литературе.– Волгоград: Изд-во ВГПИ, 1986.– С. 57–60.

REFERENCES:

Buzunov, S. N. Komedija N. Gogol'a «Revizor»: opit mifopoeticheskogo analiza / S. N. Buzunov // Filologicheskie zapiski.– Vip. 8.– Voronezh: Izd-vo VGU, 1997.– S. 185–190.

Vishnevskaja, I. L. Gogol' i ego komedii / I. L. Vishnevskaja.– Moskva: Nauka, 1976.– 256 s.

Gogol', N. V. Polnoe sobranie sochinenij: v 14 t. / N. V. Gogol'.– Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1937–1952.

Goldenberg, A. H. Arhetipi v poerike N. V. Gogol'a: Monografija / A. H. Goldenberg.– 5-e izd.– Moskva: Nauka, 2014.– 232 s.

Ivanitskiy, A. I. Prostranstvo kak «strashnaja mest'» (O «roditel'skoj» prirode gosudarstvennogo prostranstva u Gogol'a i Kafki) / A. I. Ivanitskiy // Gogol' i slavjanskij mir.– Vip. 2.– Tomsk: Izd-vo TGU, 2009.– S. 376–391.

Ivanov, Vjach. «Revizor» Gogol'a i komedija Aristofana // Vjach. Ivanov. Sobranie sochinenij. T. 1–4.– Br'ussel', 1987. T. IV.– S. 387–398.

Kuprejanova, E. N. Avtorskaja ideja i hudozhestvennaja struktura «obshhestvennoj komedii» N. V. Gogol'a «Revizor» / E. N. Kuprejanova // Russkaja literatura.– 1979.– № 4.– S. 3–16.

Lihachev, D. S. Smeh kak mirovozzrenie // D. S. Lihachev, A. M. Panchenko. Smehovoj mir Drevnej Rusi.– Leningrad: Nauka, 1976.– S. 7–90.

Markovich, V. M. Komedija N. V. Gogol'a «Revizor» / V. M. Markovich // Analiz dramatičeskogo proizvedenija.– Leningrad: Izd-vo LGU, 1988.– S. 136–163.

Sofronova, L. A. Prinzip otrazhenija v poetike barokko / L. A. Sofronova // Barokko v slav'anskih kul'turah.– Moskva: Nauka, 1982.– S. 78–101.

Fialkova, L. L. K probleme «Gogol' i fol'klor» / L. L. Fialkova // Fol'klornaja tradizija v ruskoj litrtature.– Volgograd: Izd-vo VGPI, 1986.– S. 57–60.